

Сергей Гурнев, ректор Российской экономической школы, директор ЦЭФИР, доктор экономических наук

Рецепты антиподов

ИЗОБИЛИЕ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ И ВЫСОКИЕ ЦЕНЫ на сырье приводят к известным последствиям: снижению конкурентоспособности промышленности, откладыванию необходимых реформ, разрушению демократических институтов. Но не всегда — есть страны, которые успешно справляются с «ресурсным проклятием». В структуре экспорта Норвегии, Канады и Австралии, например, природные ресурсы доминируют, однако уровень жизни там один из самых высоких в мире. Конечно, три этих государства отличаются от России. Норвегия слишком маленькая. Канаде повезло с близостью огромного американского рынка. Австралия, впрочем, страна с огромной территорией (лишь в 2,2 раза меньше России), большая часть которой непригодна для жизни, и в довершение всего расположена она далеко от всех своих экспортных рынков. Неудивительно, что Австралия сталкивается с теми же проблемами, что и мы.

Нелегкая судьба экономиста недавно забросила меня в Австралию. Там другое время года, природа, климат, но главный вопрос экономической политики у них такой же, как и в России: что делать со сверхдоходами от сырьевого экспорта? Допустить рост реального обменного курса национальной валюты или рост инфляции? Инфляция и так по австралийским меркам выше некуда — 4,2%, да и австралийский доллар за последние несколько лет укрепился в полтора раза. Если инвестировать внутри страны, то инфляция вырастет еще больше, но в то же время для борьбы с инфляцией как раз и надо развивать инфраструктуру и образование.

Все счастливые семьи счастливы одинаково. За счет налогов с сырьевых компаний Австралия, как и Россия, выплатила внешний долг и создала свой фонд национального благосостояния, который так и называется — «Фонд будущего». Фонд управляет активами в \$50 млрд (то есть 5% ВВП), и к концу года эта сумма удвоится. В отличие от российских Резервного фонда и Фонда национального благосостояния австралийский фонд управляется не чиновниками, а независимым советом, сформированным из самых уважаемых австралийских финансистов. Это настоящий «фонд целевого капитала»: его тело неприкосновенно, а вот доходы от капитала направляются на вполне конкретные цели — развитие университетов, больниц и инфраструктуры.

Отличия на этом не заканчиваются. В целом разница в подходах связана с тем, что за последние 20 лет Австралия провела ряд либеральных реформ: дерегулирование бизнеса, создание гибкого рынка труда, приватизацию, снижение импортных тарифов, устранение межрегиональных барьеров, инфляционное таргетирование, выстраивание первоклассной системы регулирования финансовых рынков и корпоративного управления — всего не перечислишь. Россия в 1990-х тоже провела реформы, однако австралий-

ская экономика сейчас гораздо более либеральна и поэтому работает совсем иначе.

Например, уже с 1983 года австралийский Центробанк отпустил курс австралийского доллара в свободное плавание. Почему австралийцев не пугает, что укрепление местного доллара подорвет конкурентоспособность промышленности? Австралийская экономика противопоставила этому гибкий рынок труда, развитые образовательную систему и финансовые рынки, обеспечивающие дешевый доступ к кредиту и капиталу. Действительно, многие обрабатывающие предприятия теряют конкурентоспособность, но их работники мобильны — переучиваются, переезжают и находят новую работу. Ни в одном штате Австралии безработица не превышает 5%.

Наконец, стерилизация доходов от сырьевого экспорта здесь достигается не усилиями Минфина, а при помощи рыночных механизмов — негосударственных пенсионных фондов. Большинство австралийцев получают не государственные пенсии (они только для бедных), а накопительные. Государство обязывает граждан направлять 9% доходов в пенсионные фонды. В итоге существенная часть сырьевой ренты отправляется не на внутренний потребительский рынок, а в сбережения, причем в основном за границей (фонды диверсифицируют свои активы). Выбор инвестиционного портфеля осуществляется самими австралийцами — на конкурентном рынке пенсионных фондов.

Уже 17 лет Австралия демонстрирует один из самых высоких темпов роста среди развитых стран. И австралийский успех удивляет сторонников китайского пути развития, ко-

которые говорят о том, что для либеральных экономических реформ необходим умеренный авторитаризм, а демократия приводит к популизму и безответственной экономической политике. Напомню: Австралия — парла-

Есть страны, которые успешно справляются с «ресурсным проклятием»

ментская республика с конкурентными выборами, одномандатными округами и один из мировых лидеров по подотчетности и прозрачности правительства. Показателем недавний скандал: ключевой член парламента от правящей партии лишился депутатского мандата из-за того, что нагрубил официанту в ресторане. Так что развитая демократия здесь не помешала реализовать пакет либеральных реформ; более того, этот пакет в основном поддерживают все политические силы — после смены власти в прошлом году изменения курса не произошло. Дело в том, что экономический спад начала 1990-х сформировал в обществе убеждение, что без реформ экономического роста добиться не удастся. А по мере того как реформы стали приносить очевидные плоды, их многочисленные противники и вовсе исчезли с политической арены. Может быть, Австралия была уже слишком развитой страной к моменту начала реформ? Ничего подобного: австралийский ВВП на душу населения тогда был выше сегодняшнего российского лишь на 20–40%. **F**